

О Николае Погодине

КОГДА в последний путь провожали Николая Погодина, меня не было в Москве. Я прощался с ним эти дни издали. Он остается в памяти моей только живым.

Живой Погодин — достойное советской литературы. Я чуть было не сказал: истории литературы — и это, конечно, так. Но это лишь логически так. История нашей литературы, как и сама она, вся в становлении, в борьбе за расстановку явлений, за первоначальное взвешивание сил, за архитектурнику своего остова, своих конфигураций и орнаментики. Происходит нечто подобное тому, что мы видим в жизни архитектуры: там все еще вырабатывается советский стиль; после слепого повторения конструктивизма двадцатых годов, после разлива по всей стране стереотипных колонночек былого русского ампира, после штукатурных кудряшек — к поискам ясной целесообразности новых общественных и жилых зданий. И в литературе, в ее борении продолжают поиски советского стиля, а вернее — стилей, то есть органичного разнообразия художественного выражения, обусловленного исторически. Жизнь возводит себе опоры в своей истории. Наввно было бы полагать, что история слагается из умерших по мере естественного накопления надгробий. Среди умерших большинство — мертвецы, но находятся и бессмертные, и это говорит о том, что мир не успел у них взять всего, пока они были живы, и они продолжают действовать с нами, обогащать нас как живые (об этом говорил хорошо Гоголь).

Николай Погодин будет долго действовать в нашей литературе как живой. Мы будем слышать его спорящим, смеющимся, каков он есть. Многие из броских красок, ему свойственных, не погаснут, а будут возбуждать радость и печаль, гордость и протест. Он всегда рвется к свету полудня, но не забывает, что существует и полночь.

У меня такое чувство, будто Погодин постоянно находится где-то рядом. За четверть века, с тех пор как я узнал его, случалось не раз, что мы не виделись месяцами. Но при каждой встрече

◇
Конст. ФЕДИН
◇

разговор продолжался, словно мы расстались накануне. Оказывалось — и разлучаясь, можно жить одною жизнью.

Счастлив писатель, которому талант художника дан вместе с талантом человека. Таким был, например, Алексей Толстой. Его искусство дышало его личностью. И когда я прочитывал его книгу, мне казалось — я побыл с ним самим.

У Погодина есть сходство с Толстым в некоторых особенностях дара. Как Толстой, он писал много и писал поразному. Было великолепное, монументальное. Было легковесное, шутовое. Было такое, за что писатель готов был драться и дрался, как за свою жизнь, и выходил с победой. Бывало и такое, от чего он легко отказывался и что — очень вероятно — с удовольствием забывал. О своих «проходных» вещах Толстой говорил: «Написал, прости господи, шутку — смерть какая дрянь!» Погодин любил говорить: «Вот еще сочинил некую п-е-с-к-у»... Слышались в этом словечке и озорная веселость, и доза смущения.

Кажется, легкая и чаще всего скорая работа у обоих писателей была родным между периодами труда захватывающего, исполненного страстного подъема. Толстой писал «Хождение по мукам» на протяжении двадцати лет. Драматическая трилогия о Ленине требовала от Погодина того же срока. Где надо было служить своему вдохновению, оба они не щадили себя, отдаваясь работе самозабвенно.

Самая яркая сторона Погодина — его смелость. Прочитав, что в Москве поставлена пьеса под названием — «Поэма о топоре», я ахнул. Поэма на сцене? И о чем же? О топоре!.. Кто не знает, как дорожит театральная касса заманчивой афишей. Но кому придет в голову заманивать зрителя в театр топором? Это отдавало шалостью. И, однако, шалость положила начало поч-

ти непрестанному успеху пьес до того неведомого драматурга. Сила же, привлекавшая народ в театр, состояла не в соблазне афиш — она состояла в том новом человеке, образ которого привел на сцену Николай Погодин.

Очень важно для писателя — не бояться ничего. Но чтобы не бояться, нужны убеждения. Нужно сознание, что дело, которое задумано, есть дело твоего сердца и ума. Погодин — писатель нашего времени, советский современник. Это краугольный камень его убеждения, его сознания. Он не отступал перед материалом, труднейшим для драматургии, — перед человеком труда, завоевывающим не только место в жизни, но и власть над жизнью. В стремлении создать на сцене такого человека Погодин был ненасытен. Стремление это привело его (не могло не привести) к попытке театрального воплощения образа, который является высшим осмыслением эпохи, — образа Ленина. Попытка стала драгоценным достижением драматурга.

Погодинские пьесы о Ленине обошли множество театров. Пьесы восприняты и любимы сценой, как любимы первенцы в добрых семьях. Признаюсь, когда я шел в Вахтанговский театр на первую пьесу о Ленине, я испытывал недоверие к тому, что уже настала пора показать со сцены человека, имя которого однозначно революции. Сыграть роль Ленина? Загнорировать под него? Заговорить, как он? Мыслимо ли? Я не раз видел Ленина в жизни, слушал его — настоящего, во плоти и крови, великого и удивительно простого, человечески к себе влекущего. И вдруг — увидеть его «повторенным» на фоне кулис, в огнях рампы! На какую иллюзию может рассчитывать зритель? Если я и допускал, что театру удастся избежать чего-нибудь гротескного, то уж вряд ли обойтись ему без вольностей.

Однако из театра я ушел совершенно с другим чувством.

Странно, что могуществу искусства в должную меру не доверяют иногда сами художники. Впрочем, могуществу

29 СЕН 1932

Литературная Газета
г. Москва

его и нет меры. Роль Ленина у Вахтангова играл Щукин. Неверно сказать, что артист был убедителем. Он был потрясающий. Выход его на сцену поразил. Это был не выход, а «выбег» — тот ленинский, чудилось, неповторимый выбег, каким (скажем) во мне он запечатлелся навсегда в момент появления Ленина на конгрессе Коминтерна в Петрограде. Стремительное, безошибочное движение. Мгновенные, легкие повороты тела. Точный жест, непринужденно поспевающий за сменами мысли. И ничего лишнего.

Игра артиста была, разумеется, главным для восприятия зрителя. Главным, потому что она ответила на вопрос — мыслим ли на сцене образ Ленина. Но тогда же становилось очевидно — почему на этот вопрос мог быть дан утвердительный ответ. Он мог быть дан потому, что образ Ленина до своего театрального воплощения был уверенно вымыслен драматургом. Материал роли богат, и артисту есть что копнуть в нем своею разработкой роли, чтобы обогатить весь спектакль. Это потом подтвердилось не однажды. Я видел все три ленинские пьесы Погодина в постановках заслуженных московских театров. В роли Ленина, вслед за Щукиным, смотрел Штрауха, Грибова, Смирнова. Каждый из них, оставаясь верным образу, вложил в решение задачи оттенки, подсказанные своим талантом.

В драматической трилогии Погодин раскрыл полную силу примечательного своего дара — смелость. Мне кажется, печать ее глубже всего отпечатавалась на первой части трилогии. Потребовалась ведь немалая решимость, чтобы привести тему о Ленине в театр. Она была углублена, раздвинута в дальнейших пьесах. Во всей трилогии Ленин изображен как человек. Именно — великим и простым. Он действует в окружении повседневного русского быта, в столкновениях, которые ему приходится разрешать то в начальные дни революции, то в обстановке нэпа, на первых шагах хозяйственного строительства. Контраст высокого и обыкновенного — вот драматургический принцип, на котором построена трилогия. Героическое начало несет центральная фигура. Успех создания ее Погодиным объясняется по виду очень просто: ничего лишнего. Находка не нова для законов

искусства. Но драматург почувствовал, что союзницей этих законов в данном случае выступает важнейшая черта самого героя — черта Ленина.

Строительный материал писателя — человеческие судьбы. Герои бытуют с нами в жизни. Они — несобыкновенное в обыкновенном. Знает ли Погодин быт? Как редко кто другой в советской литературе. Думаю, сама смелость его отточена давним деятельным опытом журналиста. В каких только широтах не бывал Погодин, с каким пылом не бросался туда, где начиналось новое брожение жизни! Пришел его наблюдений был метким. Ракурс, в каком он изучал действительность, — всегда до жара свой, неподражаемо оригинальный. Он схватывал драматичное и смешное, прекрасное и претенциозное, зорко отыскивая в их борьбе все, что достойно человека. По свежему следу отысканного он делал прыжок в своей неистовой работе. Тут случались просчеты. Но много было и блестящих удач.

Прирожденным было погодинское чувство юмора. Смех бился в нем множеством окрасок, от иронии до сатиры, от добродушия до злости. Да, он умел быть и злым. Отлично помнится путешествие писателей и журналистов на Беломорканал в начале тридцатых годов. Много ли осталось из того, что тогда написано об этом плавании в страну... перепуганных птиц? Но «Аристократы» Погодина не сходят с театральных подмостков. Этот спектакль полон смеха. И не только. В нем рассказано о пороке и о том, как человеческое сердце рвется к воле из его оков. Здесь быт мог бы утвердить свое господство, если не сквозил бы в горькой улыбке автора луч обнадеживающей романтики. Может быть, мимутами вспомнишь на «Аристократах» горьковское «На дне». Но пьесе Погодина вернее поставить в ряд трагикомедий. Хорошо, что раздается смех там, где еще не преодолена горечь. Он поможет ее изжить. И надо быть злым, если дело идет о подавлении порока, — злой смех сильнее бичей.

Редко кто знает о любви Погодина к музыке. Он не был музыкантом. Всякому ли музыканту, однако, знакомо то благоговение, с каким жил в музыке этот человек, не бравший в руки ника-

кого инструмента? Ему был изумительно близок мир симфоний, он знал очень многие и не просто хранил в памяти, но, я сказал бы, думал с ними. Музыка была не столько его непосредственным наслаждением, сколько помогала находить ключи к труднейшим замкам, которые приходилось разгадывать и открывать Погодину в искусстве. Уверен, она была верной спутницей его размышлений. А его тянуло размышлять, философствовать, и он фундаментально изучал предмет, подолгу готовясь к сложным задачам, прежде чем решиться к новому прыжку. Недавняя его статья о книге, посвященной Эйнштейну, — пример особой склонности к философствованию, и, когда зайдет речь о замысле пьесы Погодина «Альберт Эйнштейн», эта статья не будет обойдена театроведами.

Писателю слишком мало знания одного своего искусства. Музы все в кровном родстве и поддерживают друг дружку, даже ревную. Но если бы мое понимание роли музыки в творческой жизни Погодина стали опровергать, то нельзя опровергнуть, что его слух на редкость тонко улавливал колебания, волнение, бурю событий нашей современности. Даже работая за столом, он ни на час не становился драматургом кабинетным. Здесь он следовал завету, оставленному нам Александром Блоком: «Слушайте музыку революции!» Он слушал ее. И он закрепил ее в голосах, которые мы продолжаем слышать в его театре.

Ведь можно говорить о театре Погодина. Прочными корнями вросли в сцену лучшие его произведения. Театральная жизнь последних трех десятилетий связана с его именем. Он стал и остается как бы составной частью «биографии» советского театра.

Так же, как наша литература, театр живет сейчас приливом новых сил. Молодым драматургам есть что почерпнуть у живого Николая Погодина — в его опыте изучения действительности, в его чувстве историзма предъявляемых художнику требований времени, в его мастерстве владения диалогом, сценическим действием, интригой. За молодыми долг — не растерять достигнутого и привнести новое, свое. Молодым — смело продолжать историю литературы и театра, заложенную Октябрем,